

ИСТОРИЧЕСКАЯ БОЛГАРИСТИКА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Л.Б. ВАЛЕВА



П. Пейковска*

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В БОЛГАРИИ В 20-е ГОДЫ XX в.:
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В историографии русской белой эмиграции устоялась точка зрения, что этот эмиграционный поток «унес» с собой из России цвет русской интеллигенции. С другой стороны, неоспоримым фактом является то, что русская эмиграция влила свежую струю в интеллектуальную жизнь Европы, а ее творческое присутствие дало новые импульсы развитию европейской науки и культуры¹. Благодаря этому исключительному вкладу русская эмигрантская интеллигенция стала объектом усиленного интереса исследователей не только в России, но и в странах, принявших эмигрантов. Особенно велик этот интерес в Болгарии, где в начале 1920-х гг. слой интеллигенции находился еще в процессе формирования, причем в незавидных условиях². Существовала лишь малочисленная группа творческой интеллигенции (писатели, публицисты, ученые), а главными действующими лицами интеллектуальной жизни являлись учителя, священники, недостаточно образованные чиновники³. Характерные для передовых стран интеллигентские свободные профессии были представлены слабо, мало имелось и занимающихся ими как частной практикой. Внимание болгарских исследователей целиком обращено на тех представителей русской эмигрантской интеллигенции в Болгарии, которые оставили там яркий след, а ее основная масса осталась вне поля зрения историков.

Изучение русской эмигрантской интеллигенции в Болгарии предполагает ясность в отношении понятия «интеллиген-

* Пейковска Пенка – доктор исторических наук, доцент Института исторических исследований БАН.

ция». Оно исторически изменчиво, а его критерии и подходы к нему различны. В настоящем исследовании мы исходим из социологического подхода к данному понятию и рассматриваем интеллигенцию как общественную прослойку, состоящую из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (который, в свою очередь, требует наличия высшего или хотя бы среднего образования).

В данной работе мы исследуем русскую интеллигенцию в Болгарии посредством анализа специфического статистического исторического источника, который до сих пор находился вне поля зрения исследователей – переписей населения Болгарии за 1920 и 1926 гг. Содержащаяся в них статистика позволяет дать глубокую и всестороннюю количественную характеристику участия интеллигенции в различных отраслях, подотраслях, группах профессий и отдельных видах экономической деятельности, а также проанализировать ее социальную структуру, определить роль и место женщин в трудовом процессе и в обществе. Однако вышеупомянутые болгарские переписи содержат статистические данные лишь об экономически активной части русской эмигрантской интеллигенции, т.е. обо всех лицах, непосредственно занимавшихся профессией, приносящей доход, или ремеслом, при этом они отражают лишь основное занятие анкетированного. Тут необходимо специально отметить, что обязанности замужних женщин по дому считались не приносящими доход, и, соответственно, их домашний труд определялся как «неэкономический». Кроме них, из экономически активной части русской интеллигенции в Болгарии исключались и другие члены семьи, занимавшиеся домашней работой, лица, живущие на доходы от движимого и недвижимого имущества, а также те, кто имел профессию, не связанную с производством, или не указал свою профессию, исключались и безработные.

Экономически активная русская эмигрантская интеллигенция в Болгарии анализируется в соответствии с основным занятием лица и положением, которое оно там занимает. Под основным занятием данного лица подразумевается та работа, профессиональная деятельность или служба, которая является главным источником его доходов или средств к существованию, или же занимает все или большую часть его времени.

В анализируемых переписях фигурируют четыре социальные группы: *самозанятые* – то есть все, кто работает на собственные средства, в рамках собственного дела, самостоятельно или с помощью работников; *помощники* (в первую очередь, члены семей); *служащие* – лица, занятые как технический, руководящий, торговый, административный или конторский персонал в общественных или частных заведениях и учреждениях, за зарплату или иное вознаграждение; и *работники* – лица преимущественно физического труда в производственной или непроизводственной сфере. Это означает, что в отличие от современных переписей в статистике межвоенного периода интеллигенция не выделена в особую категорию, отличную от категории лиц, занятых физическим трудом. Учитывая, что деление на социальные макро-группы достаточно условно, можно заметить, что в понятие «интеллигенция» включаются в основном служащие, занятые преимущественно непроизводительным, в том числе квалифицированным умственным трудом, а также часть группы самозанятых в сфере свободных профессий. Однако представители интеллигенции имелись и среди работников и помощников⁴, но в указанных переписях они не могут быть выделены, и по этой причине их невозможно учесть. Дать количественную характеристику профессионального и социального облика русской интеллигенции в Болгарии в 20-е гг. XX в. позволяют статистические данные болгарских переписей о (под)отраслевой и профессиональной занятости двух социальных прослоек – служащих и самозанятых.

Среди проблем, волнующих исследователей русской белоэмигрантской интеллигенции в Болгарии, присутствуют также вопросы о ее количественных измерениях и относительной доле как в русской иммиграционной волне, так и в интеллигентской прослойке страны, о быте русской интеллигенции и о полноте ее духовной жизни, о взаимном обмене духовными ценностями и в более широком плане – о ее вкладе в формирование болгарской интеллигенции⁵. Здесь мы даем свои ответы на вопросы, во-первых, о *количественных измерениях* русской интеллигенции в 20-е гг. XX в., а во-вторых – об отдельных горизонтальных и вертикальных микро-группах внутри нее. На основании переписей населения Болгарии в 1920

и 1926 гг. интеллигенция в русской диаспоре в 1920 г. достигала 768 человек (вместе с помощниками, которые тогда не отделялись от служащих), а в 1926–2402 человека⁶. Данные за 1926 г. подтверждают существующую в историографии точку зрения, что количество русских, занятых в так наз. интеллигентских профессиях в Болгарии, составляло от двух до трех тысяч человек⁷.

Согласно упомянутым статистическим сведениям, интеллигенция составляла 20% всех экономически активных русских в Болгарии в 1920 г. и 17% – в 1926 г. В этот период в количественные рамки используемого нами в самом широком смысле понятия входит множество «переходных» профессий и групп профессий, число которых в это время все более нарастало⁸. Они находятся близко к границе между умственным и физическим трудом: это низший обслуживающий персонал администрации, связи и транспорта – архивисты, писари, бухгалтеры, кассиры, писцы просьб и ходатайств, почтальоны, телеграфисты, телефонисты. К интеллигенции мы причисляем также государственных и муниципальных служащих, включая некоторые категории, на практике не имевшие ничего общего с интеллигенцией – полицейских, посыльных, церковных служек, штатных сержантов в армии и пр.

Возникает вопрос: какова была общая численность русской интеллигенции в Болгарии в 1920-е гг. в узком смысле слова? Ее можно определить, анализируя данные о ее численности и структуре по основным профессиональным группам и по социальному положению в них. Этот анализ показывает, что интеллигенция в узком смысле слова в русской диаспоре составляла 9,8% в 1920 г. (370 человек) и 10,6% (1493 человека) в 1926 г.

Комментируя численность русской интеллигенции в Болгарии – в узком или широком смысле, – следует учитывать то обстоятельство, что к ней не относятся те образованные русские, которые занялись предпринимательской или торговой деятельностью, или же неквалифицированным, даже физическим трудом. И все же вышеуказанные цифры впечатляют, учитывая, что прослойка интеллигенции в межвоенной Болгарии в принципе не была высокой – около двух процентов экономически активного населения страны⁹. При таком положении

дел естественным образом возникает вопрос о доле русских во всей интеллигенции страны. Поскольку данные о болгарской интеллигенции достаточно относительны, трудно дать точный ответ, но все же можно сказать, что в 1920 г. процент русских в ней составлял 1–2%, а в 1926 г. – 3–4%.

Какие общие процессы развивались в среде экономически активной русской интеллигенции в Болгарии? Согласно статистическим данным, исходящим из понимания интеллигенции в широком смысле, ее относительная доля в русской диаспоре уменьшалась. А согласно данным, исходящим из понимания в узком смысле, вопреки значительному росту русской общины в период 1920–1926 гг., численность интеллигенции возросла на полпроцента (в который, конечно, входят и представители подрастающего поколения русских иммигрантов, получивших уже в Болгарии среднее или высшее образование). Чем же объясняется это явление? Статистические данные переписей свидетельствуют, что на подходящую работу попадали только эмигранты со специальностями, находившими применение в болгарской экономической и культурной жизни, т.е. специалисты в определенных областях, таких как медицина, образование, инженерия, музыка. Ответ на поставленный вопрос дополняют и биографии (видных) представителей русской эмигрантской интеллигенции. Они свидетельствуют об их исключительно сложной житейской судьбе в Болгарии. Несмотря на то, что страна привлекала своим благоприятным южным климатом, близостью к южным окраинам России, близкой славянской языковой средой, общей религией и традициями дружеских связей¹⁰, налицо явное несоответствие между высокой квалификацией эмигрантов и крайне ограниченными возможностями не только для карьерного роста, но и просто для зарабатывания средств к существованию, которые предоставляла послевоенная Болгария. Русские интеллигенты считали удачей устроиться на должность служащего страхового общества или банка; основная их часть была вынуждена соглашаться на какую бы то ни было работу¹¹. Русские ученые считали условия научной деятельности в Софии худшими по сравнению с Прагой и Белградом. По информации русской академической группы от 1925 г., деятели науки не держались за Болгарию из-за политической нестабильнос-

ти, слабой материальной базы высших учебных заведений, нехватки библиотек¹².

Исследователи русской белой эмиграции в Болгарии свидетельствуют, что в значительной своей части она состояла из интеллигенции, в особенности иммиграционная волна 1922–1924 гг., которая включала преимущественно старую русскую интеллигенцию, не принявшую новые общественные изменения в России и оппозиционно настроенную¹³. Осуществляя количественный анализ данных (статистических выкладок) о профессии или занятии русских беженцев в Болгарии или в Константинополе (откуда они перебирались в Болгарию) до их эмиграции из России, эти авторы уточняют ее удельный вес – около 40%¹⁴. Если сравним эти 40% с вышеупомянутыми количественными показателями в 20% за 1920 г. и 17% за 1926 г., отражающими состояние русской интеллигенции после ее трудоустройства в Болгарии, то установим степень вероятной деклассированности среди русской интеллигенции вследствие эмиграции, и она будет составлять как минимум 50%.

Далее мы будем использовать лишь понимание интеллигенции в узком смысле слова, поскольку считаем, что оно точнее отражает ее содержание. Прежде всего рассмотрим, какие *горизонтальные структуры* выделяют переписи населения в русской интеллигенции в Болгарии. В горизонтальном разрезе выделяются, с одной стороны, профессиональные слои и группы, число которых увеличивалось, а с другой – две группы в зависимости от социального положения в профессии, а именно – самозанятые и служащие. Напомним, что рассматриваемые переписи регистрировали профессию и социальное положение занятых лиц лишь согласно главному источнику их доходов на протяжении более шести месяцев в году. Однако, с целью материального обеспечения помимо зарегистрированной специальности, опрошенные могли заниматься и другими, второстепенными профессиями и ремеслами, а также наряду с государственной службой иметь и частную практику, которая не учтена в переписях.

В среде русской интеллигенции в Болгарии доминировала художественно-творческая (35% в 1920 г. и 28% в 1926 г.). Этот высокий показатель определяли артисты: в 1920 г. драматического жанра, а в 1926 – музыкального. Далее следовали ме-

дики – 25% в 1920 г. и 27% в 1926 г. (среди которых преобладали врачи), и группа профессоров и учителей (25,4% в 1920 г. и 18,5% в 1926 г.). В 1920 г. за ними шла инженерно-техническая интеллигенция (10%), численность которой значительно увеличилась к середине 1920-х гг. (19%), в то время как доля профессоров и учителей уменьшилась.

Тот факт, что меньшая часть русской интеллигенции в Болгарии была зарегистрирована переписями как самозанятая (т.е. частнопрактикующая), не означает, что среди части интеллигенции на государственной службе не имелось и специалистов, вне рабочего времени занимавшихся частной практикой – напротив, в научной литературе отражено множество подобных примеров, особенно среди врачей и инженеров.

В первой половине 1920-х гг. в отдельных профессиональных группах интеллигенции наступили некоторые количественные изменения. За исключением адвокатов, акушеров и архитекторов (которых и без этого были единицы), драматических артистов, численность всех остальных профессиональных групп увеличивалась. Количество чертежников выросло с 1920 г. в пятьдесят раз, а фельдшеров – в тридцать раз. Самой многочисленной оставалась профессиональная группа профессоров и учителей в общественных, частных и домашних учебных заведениях; она имела и самый большой удельный вес (25% в 1920 г. и 18,5% в 1926 г.). Внутри русского учительского сословия в 1920 г. преобладали работающие в болгарских общественных учебных заведениях, и лишь около 20% преподавало в частных, но в 1926 г. положение уже изменилось – почти половина русских учителей была зарегистрирована в частных школах. Преподавательский состав русских частных школ в Болгарии состоял из педагогов с высшим образованием, но профессиональных учителей среди них было немного – это явление скорее отмечалось в провинциальных гимназиях и школах, в то время как в софийской гимназии работали высококвалифицированные специалисты с магистерскими степенями или даже защитившие докторские диссертации¹⁵. В болгарских общественных школах русские эмигранты занимались обучением предметам, по которым было трудно найти болгарских специалистов: естественные науки, рисование, геометрия¹⁶. Другими струк-

турообразующими профессиональными группами являлись врачи (15% в 1920 г.), чья относительная доля уменьшилась до 10% в 1926 г., в 1920 г. артисты драматического жанра (14%), а в 1926 – музыкального (15%), инженеры (включая землемеров) (11%). Относительно русских эмигрантов с инженерно-техническим образованием уточним, что они быстро находили профессиональную реализацию на болгарском рынке труда в течение всего одного-двух лет после войны, поскольку тогда в Болгарии имелась нужда в инженерно-технических кадрах. Они становились землемерами, составляли кадастровые планы.

В 1926 г. среди русской интеллигенции появилось несколько новых профессиональных групп – ветеринарные врачи и фельдшеры, химики.

Что же касается *гендерных аспектов* процессов, протекавших в русской интеллигенции в Болгарии, на основе имеющейся базы статистических данных их можно обобщить следующим образом.

За период с 1920 до 1926 гг. параллельно с численным ростом русской диаспоры в Болгарии увеличивалось и количество представителей интеллигенции – как мужчин, так и женщин. Но имелись и известные нюансы. Среди экономически активных русских женщин в 1920 г. относительная доля занятых умственным трудом была крайне высока (28%) в сравнении с тем же показателем у мужчин, но при этом имелась тенденция к ее уменьшению (24,3% в 1926 г.), вопреки троекратному приросту общей численности женщин. Причина этого явления заключалась в том, что увеличение доли интеллигенции среди русских женщин (+134,5%) было меньшим, чем их общий прирост (+170%). На практике это означало, что в целом русские женщины интеллигентских профессий и занятий теряли свои позиции на болгарском рынке труда. В статистике переписей даже точно отражены профессиональные области, где это произошло – в группах «драматические артисты и танцоры» (–160%), «живописцы, скульпторы, художники-декораторы», «акушерки» и «чертежники» (–50%). Однако существовали и профессиональные сферы, в которых они улучшили свои позиции: среди «служащих лечебных заведений», «медсестер и сиделок» (+545%), «учительниц и работниц частных учебных

заведений» (+350%), «артисток музыкального жанра» (+47%), «учительниц общественных учебных заведений» (+150%), но в целом значительный количественный рост в этих сферах не мог компенсировать общего уменьшения доли интеллигенции среди русских эмигранток. В то же время среди экономически активных русских-мужчин наблюдались противоположные процессы. У них численный рост интеллигенции (+378%) был большим, нежели общий прирост самой вариации (+285%). Хотя доля лиц, занятых умственным трудом, значительно меньше (7,6% в 1920 г.), чем у женщин, однако в отличие от последней она увеличивалась (до 9,5% в 1926 г.)

Теперь перейдем к рассмотрению социальной структуры русской интеллигенции на основе статистических данных о *социальном положении внутри профессии*. Они показывают, что и в 1920, и в 1926 гг. основная часть русской интеллигенции в Болгарии состояла из наемных работников – 57,3% и 80,6% в 1920 и 1926 гг. соответственно. Следовательно, на первый взгляд, можно с полным правом сказать, что для русских также действовало правило: интеллигенты-беженцы ищут место учителя или чиновничью должность преимущественно в городах¹⁷.

В 1920 г. 43% было зарегистрировано как самозанятые, т.е. частнопрактикующие, а в 1926 г. этот показатель достигал всего 19,6%. Следовательно, преобладала тенденция к увеличению относительной доли русских-служащих и, соответственно, к уменьшению процента частнопрактикующих. И эта тенденция характерна не только для русской интеллигенции, но в целом для интеллигенции в Болгарии в рассматриваемый период¹⁸. Объяснение стремления людей умственного труда (в том числе и русских) найти заработок в качестве служащего заключается в том, что в Болгарии того времени государственная и муниципальная служба гарантировали более стабильный доход.

Процент самозанятых (то есть частнопрактикующих) русских – представителей интеллигенции в различных специальностях не был одинаков. Изменение соотношения между самозанятыми и служащими в различных профессиях русской интеллигенции в Болгарии в рассматриваемый период также варьируется. В 1926 г. множество русских учителей и инжене-

ров, как и все русские священники являлись служащими, в то время как в оставшихся профессиональных группах преобладали частнопрактикующие. Не стоит забывать, что инженерам найти частную практику было сложнее, чем врачам, поскольку требовался определенный капитал, чтобы начать работу в качестве предпринимателя в сфере строительства или стать собственником небольшой технической мастерской. По этой причине стремление инженеров оказаться на государственной службе было большим, чем у врачей¹⁹. В 1926 г. относительная доля частнопрактикующих-русских снижалась по отношению к служащим во всех профессиональных группах, особенно значительно среди врачей, что объяснялось тем фактом, что в 1920-е гг. потребность во врачах на государственной и муниципальной службе удвоилась из-за открытия муниципальных учреждений здравоохранения в населенных пунктах с числом жителей более 5000, а также в связи с созданием противотуберкулезных и противомаларийных учреждений и гигиенических лабораторий в окружных городах, расширением и увеличением числа государственных больниц²⁰. Та же тенденция наблюдалась и среди инженеров, артистов музыкального и драматического жанров, писателей и журналистов. Исключение составляла группа учителей, где резко выросло число домашних учителей, гувернанток и учителей специального образования, а также ветеринарных фельдшеров, акушеров, сестер милосердия, чертежников, которых было много, и они на сто процентов являлись частнопрактикующими.

Естественно, причиной того, что в данной профессиональной группе больше развивались частный или же государственный и муниципальный секторы, являлись специфические условия. Так, например, здравоохранение в Болгарии было преимущественно государственным. Исследователи этой проблематики объясняют это отсталостью условий, бедностью населения, финансовой слабостью муниципалитетов. После Первой мировой войны в Болгарии широко вводилось медицинское страхование. В 1924 г. был создан фонд «Социальное страхование» и для работы в нем назначались врачи, а страхователь получал право свободного выбора: лечиться у врача фонда или у частного. Бесспорно, эти законодательные изменения во врачебном деле привели к стагнации числа част-

нопрактикующих русских врачей и к большему числу врачей-бюджетников в 1926 г. Зато аптеки в огромной своей массе оставались частными (государственных или муниципальных аптек при больницах было мало).

Вертикальные структуры интеллигенции (в том числе и русской) определялись степенью образования и служебным положением лиц, и в соответствии с данными показателями ее слои чаще всего разделяются на элиту или высшую интеллигенцию, среднюю или массовую интеллигенцию и полуинтеллигенцию²¹. Болгарские переписи населения предоставляют ограниченные возможности для анализа данных структур: во-первых, поскольку не содержат статистических данных о служебном положении (руководящем или нет), и, во-вторых, поскольку в переписях присутствуют служебные позиции, которые объединены, и их невозможно количественно разграничить на основании такого критерия, как образование.

В этом смысле вариации на основе образования дают относительное представление о количественном выражении вертикальной структуры русской интеллигенции в Болгарии. Но все же, при отсутствии других статистических источников, можно получить известное представление о социальной структуре русской интеллигенции в Болгарии в первой половине 20-х гг. XX в. К *элите* русской интеллигенции принадлежали специалисты с законченным или неполным высшим образованием – высокопоставленные чиновники, врачи и ветеринары, стоматологи, фармацевты-провизоры, инженеры, архитекторы, адвокаты, художники и скульпторы, артисты музыкального жанра. Некоторых из них – стоматологов, провизоров, архитекторов, адвокатов – было совсем мало. В русской интеллигенции в 1920 г. они составляли 43,2%, из них женщин – 30%, а в 1926 г. 48,2%, женщин – 10% (их количество увеличилось вдвое, но относительная доля уменьшилась). Хотелось бы подчеркнуть, что эти данные занижены, так как к элите русской интеллигенции принадлежали преподаватели высших учебных заведений и высшее духовенство, но в нашем случае профессора не могут быть отделены от учителей, а высшее духовенство – от низшего, поскольку в обнародованных переписях они обобщены. Поэтому они попадают в группу недифференцированной интеллигенции с высшим и средним

образованием вместе с писателями, журналистами, работниками читалищ, библиотек и музеев, политических и профессиональных организаций, драматическими актерами и танцорами, чья относительная доля в 1920 г. составляла 48% (из них 34% – женщины), а в 1926 г. – 32% (18% – женщины). Часть представителей этой группы попадает в ряды средней интеллигенции, но их численность невозможно определить.

К *средней прослойке* русской интеллигенции мы относим получивших среднее специальное (медицинское или техническое) образование, каковыми были медицинские и ветеринарные фельдшеры, акушерки и сестры милосердия, чертежники. Относительная доля их равнялась 3% (73% из них – женщины) в 1920 г. и 13% (женщин – 8%) – в 1926 г. Эти данные также занижены, поскольку к указанной категории принадлежат к тому же учителя начальных и средних школ, часть духовенства, но в нашем случае они не выделены и попадают в указанную выше группу.

Полуинтеллигенция имела главным образом среднее образование, ее представителями являлись недипломированные специалисты, множество получило лишь основное образование. К ней относились мелкие чиновники, учителя начальных классов, низшее духовенство, часть художественной интеллигенции – актеры, музыканты. Точное определение ее численности (а также социального статуса) в случае с русской интеллигенцией невозможно и вдобавок затрудняется тем обстоятельством, что грань между ними и обыкновенными служащими очень тонка. Что же касается «интеллигенции без обязательного профессионального образования», к которой мы причисляем группу «директоров (не медиков) и служащих лечебных учреждений» (6% и 7% в 1920 и 1926 гг. соответственно), то ее практически также нельзя использовать для уточнения социальной структуры русской интеллигенции в Болгарии, поскольку статистика включает в нее управленческие кадры с руководящими функциями, которые априори принадлежат к элите, и представителей средней и низшей интеллигенции.

Несмотря на отмеченную условность статистических данных о вертикальной структуре русской интеллигенции в Болгарии, можно сделать следующие общие выводы. Облик рус-

ской интеллигенции в Болгарии в первой половине 20-х гг. XX в. определялся ее элитой (в преобладающей своей части с дворянским происхождением) с тенденцией к росту. В количественном отношении следующая, вторая по значимости, – средняя прослойка. Это отличало русскую интеллигенцию от болгарской, в чьей вертикальной структуре до прибытия русских эмигрантов определяющей являлась именно средняя прослойка, поскольку в большей своей части болгарская интеллигенция происходила из средних слоев общества – ремесленников, торговцев и крестьян, бывших по своему имущественному состоянию средними и мелкими собственниками²². Кроме того, налицо увеличение количества женщин в элите и среднем слое русской интеллигенции (уменьшение их относительной доли объясняется значительным численным приростом мужчин). Суммируя сказанное, мы с основанием можем заключить, что интегрированные в болгарскую интеллигенцию русские работники умственного труда укрепили ее элитарный слой, в том числе и его женскую половину.

Социальное положение русской интеллигенции в болгарском обществе определялось зарплатой и стабильностью занятого служебного положения. Ее материальное положение в рассматриваемый период может быть определено в общих чертах как неудовлетворительное. Оно находилось в русле общего ухудшения положения интеллигенции в Болгарии, порожденного отставанием роста зарплат от подорожания жизни²³. Нет данных о том, что русские в отдельных профессиональных группах были лучше оплачиваемы, нежели их болгарские коллеги. По мнению болгарского экономиста Любена Берова, это ухудшение продолжалось до середины 1920-х гг. и было сильнее выражено в среде интеллигенции с более высоким уровнем образования и квалификации, и слабее – в среде с более низким уровнем. В данном случае его выводы основываются на сведениях о доходах работавших в общественном секторе, поскольку информация о частной практике довольно скудна. Лучше всего оплачивались юристы, но русских в этой профессиональной группе были единицы, далее следовали врачи (в этой группе ветеринары оплачивались хуже) и служащие в сфере образования и культуры (учителя, профессора, издатели, музейные и библиотечные работники), чьи зарплаты

имели тенденции к росту при правлении БЗНС²⁴; самым неблагоприятным было материальное положение инженерно-технических кадров.

Перевод с болгарского Н. С. Гусева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септ. 1999 г. София, 2001. С. 204.

² *Пенев Б.* Нашата интеллигенция // Изкуството е нашата памет. София, 1978. С. 117.

³ *Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX в. София, 2005. С. 426.

⁴ *Бирман М.А.* Формиране и развитие на българския пролетариат 1878–1923. София, 1983. С. 31–36, 108; *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интеллигенция (1919–1923 г.) // Годишник на Софийския университет (далее – СУ). Център по културознание. Т. 80–81. София, 1987–1988. С. 79.

⁵ Там же. С. 205; *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 173–175.

⁶ Тут имеются в виду лишь экономически активные русские: служащие – 1812 мужчин и 282 женщины, самозанятые в свободных профессиях – 241 мужчина и 66 женщин.

⁷ *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии. С. 173.

⁸ *Беров Л.* Материални условия на интеллигенцията в България // Исторически преглед. 1988. № 12. С. 6.

⁹ Там же; *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интеллигенция. С. 189.

¹⁰ *Велева М.* Руската университетска емиграция в България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София, 1998. С. 239; *Лунин А.* Руската емиграция в България през 20-те години // Годишник на СУ. Исторически факултет. Т. 84–85. София, 1992. С. 229.

¹¹ *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии. С. 176.

¹² Своими путями. Издание Русского демократического студенческого союза в Чехословакии. Прага, 1926. № 10–11. С. 35. Цит. по: *Лунин А.* Руската емиграция в България. С. 226.

¹³ *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интеллигенция. С. 192–193, *Лунин А.* Руската емиграция в България.

С. 213; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 100–101.

¹⁴ *Лушин А.* Руската емиграция в България. С. 223; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 150–151.

¹⁵ *Горяинов А.Н.* Русская эмигрантская школа в Болгарии (1920-е гг.) // Педагогика. 1995. № 16. С. 76–82; *Он же.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Культура Российского зарубежья. М., 1995. С. 143–147.

¹⁶ *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии. С. 175.

¹⁷ *Янковски Б.* Студентите от Македония и Одринска Тракия във Висшето училище през 1902–1904 г. // Векове. 1977. № 3. С. 68.

¹⁸ *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България. С. 7; *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция. С. 184.

¹⁹ *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България. С. 15.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ *Колев Й.* Професионална и социална структура на българската интелигенция. С. 180.

²² Там же.

²³ *Беров Л.* Материални условия на интелигенцията в България. С. 12, 15.

²⁴ *Ломшиев Х.* Материалното положение на учителя и служебният му стабилитет // Учителска мисъл. 1921. № 2. С. 54–68.